

шолтфа

Н.С.Розов

ГЕОПОЛИТИКА КАК НАУКА: ОТМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ РАЗВИВАТЬ

Ключевые слова: геополитика, геостратегия, геополитические закономерности, геополитическая динамика

Либеральное обличение геополитики

Геополитика — пожалуй, самая популярная тема в сегодняшней российской публицистике и политической риторике, не говоря уже о том, что претендующих на профессиональную компетентность в этой сфере существенно больше, чем в экономике, социологии, регионалистике, демографии. Интерес и общественное внимание налицо, нет недостатка и в исследовательских центрах.

Вместе с тем вакханалия имперской, шовинистической, ксенофобской риторики под видом «геополитики» вызывает понятное отторжение. Ожидаемо раздраженная реакция со стороны либеральной и западной общественности нашла отражение, в частности, в статье Сергея Медведева «Соблазн геополитики». Ее автор обличает геополитику в целом как направление мысли: «Мне кажется, проблема в том, что профессор Пастухов случайно забрел туда, куда приличному человеку ходить не стоит, — в шатер бродячего шапито под названием „геополитика“. Там скачут по кругу лошади, летают гимнасты и подвизаются разного рода фокусники. Сто лет назад, во времена Рудольфа Челлена и Фридриха Ратцеля, геополитика обладала определенной интеллектуальной свежестью, но в последние полвека изрядно заплесневела и была отправлена западной политической наукой в дальний угол чулана как один из изводов теории политического реализма, удел ветеранов холодной войны типа Збигнева Бжезинского или Джона Миршаймера, статья которого в июльском номере *Foreign Affairs* про то, как Запад „упустил“ Россию, была с восторгом принята отечественными экспертами»¹.

¹ Медведев 2014.

Особенно же достается отечественным адептам геополитической традиции: «В постсоветской России с ее девственной политической мыслью геополитика... стала царицей наук, прибежищем провинциальных преподавателей марксизма, философов от инфантерии и просто шарлатанов, прикрывающих дефицит гуманитарного знания обманчиво стройной теорией, похожей на милую российскому сердцу конспирологию, и красивыми словами „Евразия“, „хартленд“, „Хаусхофер“, „атлантическая цивилизация“. Геополитика в России заменила правящему классу критический взгляд на внешний мир, предлагая вместо него мессианские мифы и симулякры типа „национальных интересов“ и „борьбы за ресурсы“. Геополитика в российском исполнении предполагает, что мир состоит из унитарных государств, обладающих „интересами“ и политической волей и живущих в дарвиновской борьбе за ресурсы.

Это мировоззрение хорошо описал Владимир Набоков в „Даре“ на примере эмигрантского „пикейного жилета“ полковника Щеголева².

Примерно в том же ключе бичует геополитику Василий Жарков в статье с не менее говорящим названием «Фейк геополитики»: «О геополитике рассуждают в основном неудачники, в оправдание своей отсталости. Ведь для того, чтобы преуспеть в современном мире, практически не имеет значения, где вы находитесь. Куда важнее, подключены ли вы к международному банкингу, есть ли в вашей местности интернет, чтобы вести общение с партнерами в любой точке мира, и сколько минут ехать до ближайшего международного аэропорта. Аэропорт, кстати, при наличии платежных систем и вай-фая — дело наживное. Если, конечно, вы случайно не в Антарктиде. Или если, упаси бог, среди советников вашего правительства не завелось слишком много геополитиков»³.

³ Жарков 2014.

Профессор Андрей Зубов в своей лекции «Тщета геополитики: вызов геополитики и ответ новой Европы» критикует классическую геополитику Ратцеля, Челлена, Карла Хаусхофера и Хэлфорда Джона Маккиндера за экспансионизм, за приспособление идей к интересам собственной державы, за провоцирование двух мировых войн, за оправдание агрессии естественными законами, за отрицание свободы. Ожидаемо попадает российским проповедникам схожей геополитики типа Александра Дугина. Всей этой «тщете» противопоставляется добровольный союз европейских государств. Заключительный обвинительный пассаж настолько ярок, что заслуживает цитирования: «Не надо думать, что геополитика это просто чепуха. Геополитика — это прельщение, это соблазн. И сутью этого соблазна является ненависть к другому и отрицание человеческого лица у человека. То есть, на самом деле, отрицание человеческой свободы. Потому что, пытаясь навязать естественнонаучный закон человеческому обществу, геополитики отрицают за человеком, за обществом как совокупностью людей, способность своей свободной воли контролировать, определять и направлять свои естественные желания. Геополитика расчеловечивает человека, так же как и расовая теория, и марксизм в его классическом изводе. Она подчиняет человека неким внешним совокупностям, делает свободу осознанной необходимостью, т.е. детерминирует человека. И если расовая теория навсегда похоронена преступлениями гитлеризма, если марксистская теория для подавляющего числа людей, надеюсь, навсегда похоронена преступлениями ленинизма, то геополитика пытается опять поднять голову. Но у нее такая отвратительная голова, что, я надеюсь, ей не увлекутся многие»⁴.

⁴ Зубов 2016.

Смещение значений

Насколько справедливы высказанные претензии? Если исходить из публикаций «экспертов» вроде того же Дугина, Максима Калашникова, Сергея Кургияна, Максима Шевченко или документов «Изборского клуба» и подобных ему «интеллектуальных центров», то возразить

Медведеву, Жаркову и Зубову будет нечего. Но было бы еще полбеды, если бы ответственность за дискредитацию геополитики несла лишь горстка скандальных маргиналов. Однако ситуация более печальная. Возьмем, к примеру, сборник «Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений»⁵ (изданный задолго до нынешнего геополитического ража) со статьями и интервью признанных специалистов и профессионалов в социальных науках, таких как Виталий Куренной, Симон Кордонский, Вадим Радаев, Борис Дубин, Борис Макаренко, Александр Филиппов, Лев Гудков, Анатолий Вишневский. Среди материалов сборника имеется и статья Бориса Межуева, посвященная геополитике⁶.

⁵ Куренной (ред.) 2006.

⁶ Межуев 2006.

Увы, текст Межуева укрепляет ощущение крайней идеологизированности, ангажированности данной области социального познания в России. Более того, апелляции к стародавним идеям Маккиндера и Хаусхофера обнажают удручающее невежество отечественных авторов по отношению к по-настоящему научным зарубежным концепциям последних десятилетий.

Любопытно, что и сам Межуев, судя по всему, не видит перспектив собственно научных (эмпирических и теоретических) исследований в сфере геополитики. Присмотримся к следующему пассажиру: «Пока большая часть вышеуказанных течений продолжает развиваться скорее в рамках более или менее обоснованных публицистических деклараций <...> Геополитические школы в России пока не представили убедительных политико-географических аргументов в свою пользу. В какой-то мере виной тому принципиальная зависимость геополитики от внешнеполитической конъюнктуры: те или иные процессы на поверхности земного шара неизбежно вносят коррективы в самые изощренные и на первый взгляд хорошо обоснованные геополитические концепции»⁷.

⁷ Там же: 298.

Итак, подлинно научных концепций в российской геополитике нет. Поскольку «процессы» вносят в них «коррективы», эти концепции вынуждены оставаться публицистическими (читай: конъюнктурными и сиюминутными). Ведь что такое «коррективы» для настоящей научной концепции или гипотезы? Это подарок судьбы, естественный эксперимент, ценнейшая эмпирическая проверка. И если «коррективы» мешают концепции, значит, в ней изначально не было ни грана научности и объективности.

Впрочем, отрицание возможности собственно научных геополитических исследований — похоже, не обсуждаемое общее место для авторов, пишущих на данные темы. Оставим в покое «идеологов» и «вождей», использующих геополитический дискурс как новую мифологию, символ веры или риторическое оружие. Действительно интересный, самостоятельно мыслящий исследователь Вадим Цымбурский считал, что геополитика «начинается там, где налицо — пусть в замысле или умственной модели — волевой политический акт, отталкивающийся от потенциалов, усмотренных в конкретном пространстве»,

⁸ Пымбургский
1999: 14–15.

и определял ее как «восприятие мира в политически заряженных географических образах»⁸.

Здесь явственно видно смешение геополитики как реальности (взаимодействия между сообществами по поводу военно-политического контроля над территориями и акваториями) и геополитики как дисциплины, изучающей эту реальность. Подобное раздвоение значений (область реальности и изучающая ее наука) характерно для множества других терминов («история», «экономика», «география», «геология» и др.), однако в них почему-то путаницы не возникает. Да, в реальных политических решениях и действиях находят отражение осознанные или нет геополитические модели и концепции, но то же самое относится и к экономической, культурной, демографической и т.д. политике.

Нетрудно заметить, что подобного рода смешение имеет место и в цитированных выше статьях Медведева, Жаркова и Зубова. В представлениях о геополитике как о «фейке», «соблазне», «тщете» в неразделимое целое склеены претензии геополитики на научность, идеи политического реализма и Realpolitik, социал-дарвинизм и оправдание территориальной экспансии, националистическая и имперская пропаганда. Правда, нельзя не признать, что и упомянутые Зубовым классики европейской геополитики, и нынешние российские адепты синкретического и экспансионистского ее толкования дают для такой склейки достаточно оснований.

**Могущество
на территориях —
неизбывная
и меняющаяся
реальность**

Следует ли из вышесказанного, что геополитику нужно *отменить*, что само это направление мысли порочно, антинаучно, недостойно внимания?

В мире прекратились войны? Государства перестали дробиться и объединяться? Исчезли армии и границы, спорные территории и непризнанные государства? Никакие провинции и этнические меньшинства не хотят отделиться и никогда не отделятся? Есть уверенность, что больше не произойдет сдвигов могущества на территориях, в том числе силовым путем? На каждый из этих вопросов смело можно ответить «нет».

Кроме гражданских войн (Югославия, Ливия, Сирия, Ирак), внешних вторжений со свержением прежней власти (Афганистан, Ирак), замороженных конфликтов (Тайвань, Приднестровье, Карабах, Абхазия, Южная Осетия), переделки границ (Крым), сложной судьбы территорий с утраченной или резко ослабшей государственностью (Афганистан, Сомали, Восточный Донбасс, общества Центральной Африки), споров за острова (Япония и Россия, Япония и Китай, Аргентина и Великобритания), есть и случаи мирных разделов (Чехия и Словакия), неудавшихся попыток отделения (Северная Ирландия, Чечня, Шотландия, Квебек, Каталония, Страна Басков), виртуальной и реальной, неудачной и успешной государственной интеграции (Россия и Беларусь,

Китай и Гонконг, Евросоюз). То есть, несмотря на некую (далеко не полную) «заморозку» границ после Второй мировой войны, структура могущества на территориях продолжает меняться. Важная ли это сфера человеческого бытия? Исключительно важная, поскольку политический и правовой порядок (включая гражданство, налоги и пошлины, правила рыночного обмена), а также образование, медицина, наука и все прочие сферы человеческой жизни прямо или косвенно определяются именно тем, кто и как осуществляет могущество на каждой данной территории.

«Отменить» геополитику — значит отказаться от обсуждения вопросов контроля над территориями и закономерностей, механизмов изменения этого контроля. Значит отдать всю эту сферу исключительной значимости империалистам, шовинистам, приверженцам войны и агрессии.

Но ведь и в либеральных обличениях геополитики можно найти немало справедливого! Где же выход?

**Разделение
значений
и упорядочение
имен**

Как это часто бывает, трудность кроется в многозначности слов и отсутствии четких различий. По-хорошему, при разговоре о геополитике стоило бы каждый раз уточнять, что имеется в виду из следующего списка:

- геополитика как реальность;
- геополитика как учение (взгляд на мир, парадигма);
- геополитика как идеология (и пропаганда);
- геополитика как научная дисциплина.

Ниже будет показано, что это очень разные вещи и отношение к ним должно быть разным.

Кроме того, нет никаких весомых причин для отказа от стандартного разделения научной дисциплины геополитики на фундаментальную (ею занимались в свое время Кеннет Нил Волтц, Рэндалл Коллинз, Артур Стинкомб, Роберт Гилпин, Джордж Модельски, Джон Тернер, Даниэл Додни, Джеффри Паркер и др.) и прикладную (например, работы Генри Киссинджера и Збигнева Бжезинского). Действительно, для классических авторов, начиная с Ратцеля и Челлена, характерно синкретическое единство фундаментального и прикладного (в том числе политико-идеологического) аспектов, но даже в их трудах вполне можно отделить нейтральные концептуальные модели от политических установок, идеологических постулатов и практических рекомендаций.

Геополитика как реальность. Будете смеяться, но геополитика как реальность старше не только государств, но даже человека и человечества. Ведь речь здесь идет о контроле над территорией, о защите территории, о борьбе за территорию, а это одна из важнейших сторон поведения животных, причем отнюдь не только «высших».

Ушла в прошлое жесткая связка геополитики (в человеческом мире) с государствами и «расширением жизненного пространства». Геополитическая реальность в современном ее понимании — это *сфера социальных взаимодействий относительно военно-политического контроля над территориями*.

Почему эта сфера так важна и никогда не устареет, не исчезнет? Потому что действие правовых норм, гражданство, налоги, пошлины, визы и виды на жительство, власть, суды и принуждение к исполнению судебных решений, образовательные и многие другие важнейшие институты — все это напрямую определяется тем, кто, как и в какой мере осуществляет контроль над территорией и способен самостоятельно защитить эту свою прерогативу с помощью вооруженной силы или находится под защитой патрона, союзников, обладающих такой силой.

Геополитика в этом смысле имела место и в догосударственный период: между группами охотников-собирателей, племенами, вождествами были либо конфликты по поводу «угодий», либо договоренности относительно их границ.

Когда с середины XIX в. почти вся земная поверхность попала под контроль государств, геополитику-реальность стало целесообразно разделять на *внешнюю* (отношения между державами) и *внутреннюю* (отношения между центром и провинциями). В полной ли мере действуют российские законы в сегодняшней Чечне, Дагестане, Тыве? Осуществляет ли Москва контроль над этими территориями? Это весьма острые вопросы нашей *внутренней* геополитики.

Геополитика как учение и идеология. В данном случае обычно имеется в виду политический реализм в международных отношениях с присущей ему идеей о неизбывной борьбе государств за могущество, расширение территорий и влияние, а также с весьма абстрактными и ригидными представлениями о «Хартленде», «силах моря и силах суши», «мировых осях», «месторазвитии» и т.п.

Геополитика-учение в известном смысле сходна с алхимией и астрологией: это целое мировоззрение, где философские, ценностные, практические аспекты еще не отделены от собственно научных — эмпирических и теоретических. Но если алхимия и астрология уже давно были вытеснены (как минимум из академической среды) действительными науками — химией и астрономией, — то геополитика-учение зачастую еще доминирует и даже воспринимается как «откровение», заменяющее, скажем, марксизм-ленинизм, а то и сливающееся с ним причудливым образом.

Любой чрезмерно надутый пузырь лопается. Когда геополитика-учение пытается охватить собой все вопросы международных отношений, права, ценностей, миграций, экологии, технологического развития, экономики, культуры, она точно превращается в «соблазн» и «фейк» — в геополитику-идеологию.

О последней говорить не особенно интересно. Сочные и пахучие образцы геополитики как идеологии и пропаганды явлены в многочисленных текстах и выступлениях упомянутых выше Дугина и К°, а также в официальной риторике «собираания земель», «русского мира», «преодоления геополитической катастрофы», «противостояния однополярному миру» и т.п.

Геополитика как чистая (фундаментальная) наука. Вся мировая история свидетельствует: военно-политический контроль над территориями меняется со временем, иногда военным, иногда мирным путем, и эти изменения имеют кардинальное значение не только для населения данных территорий, но также для государственного, социального, экономического, технологического, культурного, духовного развития всех задействованных и окружающих обществ.

Есть ли закономерности, механизмы, паттерны таких изменений? Да, есть. Почему же тогда не появиться геополитической науке, изучающей эту важную и сложную реальность?

Здесь не место доказывать высокий уровень развития геополитики-науки, достигнутый начиная со второй половины XX в. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к 3-му выпуску альманаха «Время мира»⁹, где опубликованы наиболее яркие статьи и фрагменты книг западных ученых.

⁹ *Время мира 2003.*

Отвергающим всю геополитику как «соблазн», «фейк», «тщету» стоило бы прочесть блестящую теоретическую статью Рэндалла Коллинза «Предсказание в макросоциологии»¹⁰, где изложены и протестированы (на примере распада Варшавского блока и СССР) принципы его теории геополитической динамики, дан глубокий анализ связи геополитики с теориями революции и описана методология обоснованных предсказаний.

¹⁰ *Коллинз 2000.*

Коллинза неоднократно критиковали за эту работу, как правило упрекая в гипертрофированном внимании к внешним (геополитическим) факторам «советского коллапса» и недооценке факторов внутренних — социально-экономических, национальных, идеологических и др. Подобная критика не учитывает самостоятельной ценности применения аналитически выделенной аспектной теории (в данном случае геополитической), оказавшейся достаточно сильной не только для полноценного научного объяснения, но и для прогнозирования¹¹. Кроме того, предложенное Коллинзом геополитическое объяснение отнюдь не игнорирует внутренние факторы, а, напротив, органически увязано с концепциями динамики внутри Варшавского блока и СССР.

¹¹ *Гемпель 2000.*

Сам Коллинз указывает на делегитимацию власти и коммунистической идеологии, ресурсное напряжение, к концу 1980-х годов принявшее форму (во многом вследствие перестроечных реформ) товарного голода, а также на межнациональную напряженность, связанную со сверхрасширением. Вообще говоря, в современной мировой

и отечественной литературе нет недостатка в альтернативных концепциях «главного фактора» или «комплекса главных факторов» коммунистического коллапса. Однако никто кроме Коллинза до сих пор не сумел представить общую теорию, полученную на другом материале, которая в соединении с фактическими данными об СССР и Варшавском блоке 1980-х годов дала бы в качестве дедуктивного вывода предсказание распада этих структур.

В книге «Макроистория: Очерки социологии большой длительности» Коллинз — опять же на основе закономерностей и эффектов геополитической динамики — формулирует нетривиальные теории происхождения демократии, этносов и наций, процессов бюрократизации, секуляризации, развития рыночной экономики, национальных систем образования¹². Познакомившись с этими идеями и поняв их, критики геополитики in toto уже не осмелились бы навешивать на нее ярлыки «соблазна» и «фейка».

¹² Коллинз 2015: гл. 3—6.

Геополитика (геостратегия) как прикладная наука и технология. Пусть большинство современных государств не строит планов территориального расширения (военных захватов, аннексий, аншлюсов), но все они, безусловно, заинтересованы в сохранении территориальной целостности, а также в росте своего престижа и влияния на международной арене.

Здесь мы подходим к тонкому, мало кем осознаваемому вопросу: чем же геополитика-учение (с идеологией и пропагандой) отличается от геостратегии — геополитики как прикладной науки (в пределе — технологии)?

Медицина как прикладная наука отличается от биологических и психологических наук о человеке тем, что имеет в своей основе вполне определенный комплекс ценностей и целей: жизнь, здоровье, избавление от страданий, долголетие. Хотя и тут есть свои тонкости (те же острые вопросы об эвтаназии, абортах), но все-таки ключевые ценности медицины обычно сомнению не подвергаются.

С геополитикой иначе. Прорыв из геополитики-учения как алхимии и «фейка» происходит при осознании неочевидности и множественности целей государств в отношении своих и в особенности чужих территорий.

Как любит говорить тот же Коллинз, «мудрость современной геополитики — быть скромным», то есть не жаждать расширения, тем более путем нарушения правил, что чревато санкциями и потерей союзников и партнеров. Это означает, что казавшиеся бесспорными догмы классической геополитики о необходимости расширения «жизненного пространства» уже не просто поставлены под сомнение, но отвергаются геополитической мудростью.

Сохранение территориальной целостности любой ценой тоже перестает быть абсолютной нормой. Мирные отказы от колоний (послевоенные Великобритания и Франция) и провинций (Швеция —

от Норвегии), мирные «разводы» (советские республики, Чехия и Словакия) опровергают привычные стенания о «геополитических катастрофах».

Универсальным и неизбывным остается стремление правителей и государств увеличить свой престиж и влияние, но расширение подвластной территории в современном мире, особенно принудительное и насильственное, ведет к обратному эффекту — изоляции и изгойству.

Если классическая геополитика (учение, мировоззрение) рождалась как родственная политическому реализму (с анархией государств на международной арене и их борьбой за могущество через войны), то современная прикладная геополитика (геостратегия) вполне может быть интегрирована с либерализмом в международных отношениях (с идеалами, ценностями, мирным сотрудничеством и проч. — по Жан-Жаку Руссо и Иммануилу Канту).

В геостратегии могут преследоваться и сугубо гегемонистские цели. Подобный подход характерен, в частности, для Бжезинского, в книге которого о Евразии («Великая шахматная доска»), несмотря на риторическую заботу о свободе и благополучии населяющих материк народов, откровенно отстаивается идея американского доминирования.

Сквозная тема в истории дипломатии такова: прикрываясь высокими идеями и претензиями на религиозное, моральное, идеологическое лидерство, правители и державы (от Афинского союза, Рима, папства и Московии до СССР и нынешних США) стремятся к гегемонии. Грань между лидерством и гегемонией действительно очень тонка и нередко едва заметна. Некоторые авторы в принципе не признают различий между геополитическим лидерством и геополитической гегемонией, соединяя их в понятия типа «неоимперии»¹³. Однако в современных условиях эта грань может быть установлена четко: *настоящие лидеры действуют согласно международному праву и если и предлагают внести в него изменения, то с явной пользой для мира и сотрудничества, тогда как стремящиеся сохранить или приобрести гегемонию нарушают право и/или пытаются подвергать его под свои интересы.*

Реальность как внешней, так и внутренней геополитики состоит в неизбывности территориальных конфликтов. Они не прекратятся никогда. Делаящие ставку на гегемонию будут извлекать выгоды из таких конфликтов или даже разжигать новые («управляемый хаос», зачастую утрачивающий управляемость). Найти способ цивилизованного, правового урегулирования подобных конфликтов, а также средства и инструменты принуждения государств к выполнению правовых решений — вот актуальнейшая задача прикладной геополитики.

В кантианской идейной перспективе лучшее решение — это переход от принципа «пакт победителей» (именно такова природа Совета Безопасности ООН) к принципу верховенства права, а значит — и судов как на глобальном, так и на региональном уровне¹⁴.

¹³ Гольцов 2016.

¹⁴ Розов 2011: гл. 21.

Геополитика в контексте макросоциологии. Подобно тому как современную геостратегию украшают скромность и уважение к праву, так и чистая (фундаментальная) наука геополитика не должна раздуваться сверх меры и пытаться вобрать в себя смежные, связанные с ней, но автономные сферы международных отношений: геэкономiku, геокультуру, транснациональные аспекты миграций, гражданства, экологии, образовательной мобильности, борьбы с эпидемиями и т.д.

Ни один из вопросов международных отношений не решается без учета контроля над территориями, то есть геополитики. Кроме того, люди во всем мире покупают престижные товары и услуги, едут учиться и лечиться в престижные страны и даже стремятся перебраться туда на постоянное жительство. Между тем престиж страны до сих пор определяется на поле геополитики (пусть сейчас больше не через военную силу, а через лидерство и влияние).

Однако сама динамика геополитического контроля (территориальные расширения, сжатия, объединения и разделы) зависит от ресурсов, а это уже экономика, демография, технологии и человеческий капитал. Оборонительные союзы заключают с близкими по духу, религии, ценностям, а это сфера культуры и геокультуры. Иными словами, геополитическая динамика (реальность) тесно связана с рядоположенными геокультурной, геэкономической, миграционной-демографической динамиками. Точно так же и геополитика как наука в рамках «зонтичной» дисциплины исторической макросоциологии¹⁵ занимает ограниченное, но исключительно важное место среди других социальных наук — теории международных отношений, мировой экономики, демографии, культурологии и теории цивилизаций.

¹⁵ Розов 2009; Коллинз 2015.

**Что делать
с «провалами»
геополитики**

Можно показать, что благодаря проведенному различению значений термина «геополитика», уточнению направленности и достижений современной геополитики-науки, многообразия целей и ценностей геостратегии, разного ее отношения к международному праву все основные претензии к геополитике бьют мимо цели.

Бывает и так, что явно относящиеся к геополитике решения и действия, новые эпохальные явления (как правило, позитивные) почему-то из нее вычеркиваются. Более того, нередко оказывается, что осведомленность суровых критиков геополитики в этой сфере знаний не простирается дальше работ классиков середины XX в.

Рассмотрим здесь только три примера из текста Зубова, приложившего немало усилий, чтобы разоблачить «тщету» геополитики фактами.

«Дело в том, что в том мире, в старой России, политика определялась многими факторами и, в первую очередь, принципом безопасности, — пишет Зубов. — Для России безопасным фактором было то, что лучше вступить в союз с Англией и Францией, чем с Германией. Никакой тут геополитики не было ни на йоту. Это был вопрос безопасности,

¹⁶ Зубов 2016. расчета, практического интереса»¹⁶. Но если геополитика как реальность включает все, что касается могущества на территориях, то принцип безопасности (защита своих территорий от внешнего нападения) прямо относится и к этой геополитической реальности, и к геостратегии. Странное утверждение, что государственный «расчет и практический интерес» в делах войны, мира и стратегических союзов «ни на йоту» не связан с геополитикой, оставим на совести автора.

Далее Зубов воспроизводит популярный журналистский тезис о том, что дальняя авиация и новые средства доставки полностью отменяют фундаментальные принципы и закономерности геополитики: «Появление стратегической авиации с конца 30-х годов заставило английских геополитиков идти к теории целостного мира. Маккиндер успел написать книгу о целостном мире. Через несколько лет... появилось ядерное оружие. А потом появились средства доставки. И уж какой теперь хартлэнд? Какие полумесяцы? Очевидно, что весь мир достигим от Антарктиды до Арктики, и нажатие кнопки может поразить любую цель повсюду. То есть понятие геополитических регионов потеряло всякий смысл»¹⁷.

¹⁷ Там же.

Этот пассаж выглядит убедительно — но только на поверхностный взгляд. Действительно, разовая операция с помощью дальней авиации может быть осуществлена за тысячи километров. Но достигается ли при этом сдвиг в могуществе на территориях?

Для полноценного территориального контроля требуются сухопутные войска. И если находится сила, которая этому сопротивляется, то тут же встают все классические вопросы с доставкой армии и ее снабжением, необходимостью защищать линии коммуникаций от вражеских атак, что умножает стоимость, увеличивает логистический груз не в разы, а на порядки. Тут и выясняется, что:

- преимуществом обладают державы, расположенные по соседству с местом боев;
- чрезмерное расширение, ведение войны вдали от собственного «хартленда» чреваты большими потерями и поражением (испытано Америкой во Вьетнамской войне);
- успешно воевать на каком-то фронте можно только при сохранении безопасности на остальных границах и т.д.

А это и есть простейшие принципы геополитики, которые журналисты и профессор Зубов сочли «потерявшими всякий смысл».

Согласно Зубову, геополитику опровергает и появление Евросоюза: «Как бы ни объяснять мир, очевидно, что послевоенная Европа дала ярчайший в истории пример нового типа сложения надгосударственных отношений. Это не господство, не *imperium*, это сотрудничество. Взаимовыгодное содружество — *commonwealth*. Пережив ужасы войны, зная все неуспехи, все недостатки системы установления мира после Первой мировой войны, Европа пошла по совершенно другому пути — созданию единого надгосударственного образования. Это был долгий процесс, с целью не допустить новой войны, не допустить передела границ,

хорошие они или плохие. Не допустить соперничества государств друг с другом как, если угодно, естественных животных субъектов. И они добились успеха <...> современная Европа показала пример невиданного изменения сознания»¹⁸.

Европейский союз — это конфедерация с мягким центром управления, что отнюдь не является уникальным в мировой истории. Действительно уникальны такие признаки этой конфедерации, как индустриальный, постиндустриальный и демократический характер стран-участниц с развитой сквозной государственностью, а также большой надстроенный аппарат бюрократических, представительных и прочих органов.

Противоречит ли это принципу Realpolitik, согласно которому государства неизменно стремятся к наращиванию своего могущества и ослаблению соседей? Да, отчасти противоречит, хотя зачинатели и лидеры объединения (Германия и Франция) явно не без пользы для своих экономик, не без планов экономической и культурной экспансии столь активно вкладывали силы и средства в этот грандиозный проект.

Но даже если бы это было не так, широкое понимание геополитики как сферы взаимодействий относительно контроля над территориями полностью объемлет феномен ЕС, его появление, развитие как содружества держав, нынешние кризисы, дальнейшие успехи или провалы, которые приведут либо к сокращению контроля и распаду конфедерации, либо к расширению частичного могущества на новых территориях.

Любопытно, что в этом «небывалом ранее» и «уникальном» явлении обнаруживаются вполне классические закономерности геополитики. В частности, известный рост претензий, политической силы и значимости этнических меньшинств и провинций в странах ЕС объясняется тем, что существенная часть финансовых, административных и политико-правовых ресурсов перешла от национальных государств (как бывших суверенов) на наднациональный уровень в Брюссель. Это неизбежно привело к частичной утрате былой легитимности национальными правительствами, а вместе с ними — и доминирующими этническими группами. Но именно в этих условиях обычно происходит подъем этнического сознания окраин и меньшинств¹⁹. В других обстоятельствах (война, смута, революция, распад государства) подобный подъем принимает форму «национально-освободительных восстаний» или «сепаратизма» (кому как нравится называть), тогда как в добровольной, мирной конфедерации ЕС он выразился в убедительных правовых, финансовых, культурных, языковых, образовательных и прочих притязаниях этнических меньшинств и провинций. Заметим, что брюссельская бюрократия отнюдь не случайно настаивает на принципе субсидиарности (предполагающем решение всех вопросов на самом низком из возможных уровней), вступая тем самым в негласный союз с городами, провинциями, местечками всей Объединенной Европы поверх национальных правительств.

¹⁸ Там же.
¹⁹ Коллинз 2015: гл. 3.

Действительно, конфигурация могущества на территориях в Объединенной Европе носит сложный и динамичный характер. Под влиянием все новых волн беженцев и экономических мигрантов из неблагоприятных районов Азии и Африки эйфория от отказа от границ постепенно сходит на нет. Судя по всему, в будущем шенгенская проницаемость границ если и сохранится, то только при укреплении внешних границ самого ЕС, что еще раз подтверждает неизбывную значимость контроля над территориями, обязательность заботы о могуществе и безопасности, а значит — и неотменимость геополитики.

**Геополитика
и российский
контекст**

В осмыслении истории России, в существенной мере определявшейся факторами военного и имперского характера, с ее циклами модернизации, стагнации, авторитарных откатов, либерализаций и кризисов моменты внешней и внутренней геополитики играют огромную роль.

Вызывающая протест в либеральных кругах гипертрофия геополитической риторики (идеологии, пропаганды) в публичном дискурсе породила обычный для русского ума рефлекторный ответ типа «отменить и запретить». Поскольку власти запрещать у либералов нет, они стараются полностью дискредитировать подобную риторику как «занятие неудачников». При этом вместе с водой выплескивают и ребенка: наряду с гегемонистской, агрессивной, имперской геополитической идеологией и пропагандой пытаются сбросить «с корабля современности» вообще всю геополитику, отрицая право на существование геостратегии, называя геополитическую теорию «лженаукой».

Между тем Россия попала в нынешнюю незавидную ситуацию во многом по геополитическим причинам. Коротко говоря, с треском провалилась избранная имперская геостратегия, направленная на восстановление гегемонии на постсоветском пространстве.

Результаты последней сирийской авантюры не особенно впечатляют. Если от них и есть польза для престижа России и сохранения ее военного присутствия в Средиземноморье, то она перекрывается вредом от терроризма, резкого ухудшения отношений с сильнейшей в регионе державой — Турцией, напряженности в отношениях с суннитским большинством исламского мира, с коалицией центров мирового влияния и силы (во главе с США и НАТО, нравится это кому-либо или нет), с приверженцами светского и демократического развития Сирии, с Саудовской Аравией и Израилем (из-за «дружбы» с террористической Хезболлой и фундаменталистским Ираном).

К тому же само это военное присутствие в Средиземноморье (база в Латакии) никак не помогает национальной безопасности России: для какого-либо расширения влияния его явно недостаточно, но при этом, будучи уязвимым для местных враждебных сил, оно оказывается серьезным фактором риска для «престижа могущества» страны. А ведь ради него в первую очередь и была начата сирийская кампания.

**Теория
геополитической
динамики
как основа
анализа**

Чтобы продемонстрировать полезность геополитики как науки для понимания происходящих процессов, обратимся к той же теории Коллинза, с помощью которой он в 1980 г. предсказал распад «Советской империи» (Варшавского блока и СССР)²⁰.

Насколько оправданны часто звучащие опасения относительно возможности дальнейшего распада России? Откуда ждать главных угроз? Каковы перспективы укрепления российских геополитических позиций? Детально все эти вопросы были рассмотрены в одной из более ранних наших работ²¹. Здесь же приведем только основные соображения, вытекающие из теории геополитической динамики Коллинза.

Большое богатство и большое население способствуют расширению страны за счет соседей. Поскольку все без исключения новые страны, возникшие на территории бывшего СССР, обладают меньшими геополитическими ресурсами (богатством и населением), чем Российская Федерация, она представляет для них объективную опасность (которая реализовалась, в частности, в фактической аннексии двух грузинских провинций под видом признания их независимости). Отчасти страдает от сверхрасширения и сама Объединенная Европа, что проявилось в утрате контроля над финансами отдельных стран (особенно Греции) и внешними границами, а также в растущем напряжении от захлестывающих ЕС волн беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока.

Главные военные державы Западной Европы отделены от России целым слоем малых буферных государств, поэтому страхи перед Западом и НАТО обусловлены скорее возрождением советской риторики «для внутреннего пользования», нежели реальными угрозами.

Принцип ресурсного преимущества уже два десятилетия работает на Китай. Если расширить понятие экспансии с открытого завоевания или аннексии до надежного извлечения наиболее ценных ресурсов из соседней территории, то приходится признать, что Китай, в соответствии с долгосрочными программами «сотрудничества», все больше превращается в скрытого владельца богатых сырьевых запасов Восточной Сибири. Очевидно также, что при сохранении тенденции к вымыванию российского населения с Дальнего Востока при одновременном бурном росте городов, промышленности и населения северо-восточных китайских провинций принадлежность России Приморья будет становиться все более зыбкой и оно окажется первым претендентом на отделение в случае глубокого внутривосточного конфликта.

По такому параметру, как *невыгодная центральность / выгодная окраинность* (грубо говоря, отношение длины потенциально опасных границ к длине границ безопасных), положение Российской Федерации благоприятнее, чем было у СССР, — опять же из-за появления малых буферных государств. Однако центральная позиция по-прежнему обуславливает немалое геополитическое напряжение: до сих пор потенциальным противником официально считаются НАТО и США, что ведет к размещению значительных военных сил в западных и дальневосточных

²⁰ Коллинз 2000, 2015: гл. 2.

²¹ Розов 2011: гл. 20—21.

регионах страны. Кавказ, Таджикистан и китайская граница тоже оттягивают существенные военные ресурсы. Если падение мировых цен на экспортруемое Россией сырье продолжится, эти напряжения непременно проявятся.

Геополитическая центральность снижается, когда опасные границы переходят в разряд безопасных, что достигается *за счет надежных союзов с теми, кому можно доверять и кто точно не планирует посягать на чужую территорию*. Уменьшить угрозы, исходящие от наиболее опасных границ, можно также путем заключения оборонительных союзов со всеми актуальными и потенциальными противниками угрожающей державы (по принципу шахматной доски: враг моего врага — мой друг).

Из сказанного выше прямо вытекает императив установления прочных дружественных отношений с Европой, США, Турцией (с которой как раз и началась досадная и крайне невыгодная для России вражда), Тайванем, Вьетнамом, Индией (странами, испытывающими угрозы со стороны Китая), а также устранения напряженности на Кавказе (уход с бывших грузинских территорий, не дающих России ничего, кроме финансовых и репутационных издержек).

Для России с ее все еще огромной территорией фактор сверхрасширения и обусловленная им опасность дробления (фрагментации) по-прежнему актуальны. Коммуникационные, экономические и отчасти даже культурные связи Приморья с Китаем, калининградского анклава — с Европейским союзом, мусульманских республик — с Турцией и арабскими ваххабитами, Карелии — с Финляндией уже сейчас не уступают, а то и превосходят связи этих регионов с Москвой и остальной Россией. Центральная власть эти проблемы видит, но по старосоветской привычке пытается решить их через «укрепление вертикали», бюджетный поводок, все новые запреты и риторику о «величии» и «единстве».

Геополитическая теория подсказывает совсем иные приоритеты в политике удержания территорий. Главными структурными факторами, способствующими сохранению целостности страны, являются:

- снижение логистических издержек во внутренних коммуникациях;
- заинтересованность населения окраин во включенности в общенациональное целое в противоположность отчуждению от (репрессивного) центра;
- рост экономической прибыли окраин от рыночного обмена с другими частями страны.

Соответственно, упор нужно делать отнюдь не на «вертикаль» и запреты, а на дорожную сеть, логистические хабы, на создание таких правовых и экономических условий, при которых власти и население окраин могли бы извлекать все большую выгоду из своей пограничной позиции в тесном взаимодействии с другими регионами России.

Как следует из теории Коллинза²², правители с тем большей готовностью ввязываются во внешние конфликты, чем больше страдают

²² Коллинз 2015: 398—424.

от падения легитимности. Аналогичный эффект имеет и растущая «индустрия оружия». При этом шансы на успех определяются тем, превосходит ли государство своих противников в ресурсном отношении или уступает им. Режим, активно наращивающий военные расходы и военную промышленность и испытывающий дефицит легитимности, подорванной выборными фальсификациями и массовыми протестами 2011—2012 гг., вполне может пойти на военную авантюру (например, против Грузии, Украины или даже стран Прибалтики²³), но выиграет только при условии полной изоляции противников. Совокупная же поддержка их Соединенными Штатами, Европейским союзом и Турцией (как членом НАТО) чревата военным и репутационным провалом России на внешней арене.

²³ См. Воробьева 2013.

Учитывая вероятное противодействие со стороны западной коалиции, а также сохранение угроз на востоке страны, Россия вряд ли может рассчитывать на серьезные военные успехи и территориальное расширение. Внешние авантюры, скорее всего, прекратятся (случаи с проектом «Русская весна» 2014 г. и сирийской кампанией 2015 г. это подтверждают), а накопленная военная мощь будет перенаправлена на поддержание режима внутри страны, что существенным образом отразится на кризисной динамике. До какого-то момента военная мощь режима будет играть стабилизирующую роль в «подмораживании России», но при углублении кризиса, внутриэлитном расколе и появлении новых агрессивных центров влияния само наличие этих военных ресурсов породит соблазн прибегнуть к силовому разрешению политических конфликтов.

**Мудрость
геополитики —
эффективность
геостратегии**

Мораль заключается отнюдь не в «отмене» геополитики (даже имперскую риторику никак не запретишь, если признавать свободу слова). В сложившейся ситуации требуется прямо противоположное, а именно особенно внимательное отношение к моделям, концепциям, фактическим и теоретическим знаниям, накопленным геополитической наукой.

Помимо упомянутой выше скромности, к числу добродетелей мудрой и эффективной геоstrатегии, прямо основанной на закономерностях, выявленных геополитикой-наукой, относится умение заключать прочные союзы с влиятельными державами, избегать вражды и силового противостояния с ними, не допускать сверхрасширения, развивать свою экономику, социальную сферу и культуру, максимально увеличивая присутствие на международных рынках и соответствующих аренах престижа и тем самым наращивая свой авторитет и привлекательность как союзника и лидера.

Действительно, только на фейковой геополитике-идеологии может основываться столь странная геоstrатегия, когда все делается ровно наоборот: вместо скромности — аннексия и ухарские прожекты дальнейшей территориальной экспансии, вместо прочных союзов с влиятельными

державами — вражда с ними, чреватая насилием и войной, дальние авантюры с проблемной логистикой, попадание в политико-экономическую изоляцию, потеря прежних союзников из числа соседей, которые опасаются стать очередными жертвами экспансии.

Бесспорно, корень проблем кроется в политико-правовом устройстве самой России, и для их решения требуются глубокие преобразования в этой сфере (восстановление независимого суда, нормальных выборов и разделения властей, демонополизация, защита собственности и инвестиций, прав и свобод граждан и т.д.). Однако, в отличие от СССР с его железным занавесом, постсоветская Россия уже настолько тесно вплетена в международные взаимодействия, что без снятия геополитических напряжений вообще нельзя рассчитывать на какое-либо технологическое, экономическое, социальное развитие. Кроме того, остаются острыми и вопросы внутренней геополитики, провалов федерализма, когда сверхзависимость подавляющего большинства регионов от Москвы сочетается с повсеместным полуфеодалным авторитаризмом, с возникновением лишь по видимости лояльных центру анклавов криминального и диктаторского характера²⁴.

²⁴ Розов 2016.

Вернемся к вынесенной в название статьи формуле с плавающей запятой «геополитика: отменить нельзя развивать». Значения термина «геополитика» выше разделены, и основные принципы обращения с ними сформулированы. Соответственно, и решение будет многоставным (по принципу «мухи отдельно, котлеты отдельно»):

- призывающих к войне и насилию привлекать к суду согласно действующему законодательству;
- имперскую риторику и пропаганду территориального расширения критиковать, высмеивать или игнорировать как вредную чепуху;
- отечественную геополитическую науку всемерно развивать с учетом мировых достижений в этой области и непременно проведение оригинальных теоретических, модельных, сравнительно-исторических исследований;
- способствовать созданию и конкуренции нескольких независимых аналитических центров по выработке государственной геостратегии, основанной на современном научном знании (в противовес экспансионистской идеологии) и направленной не на гегемонию, а на лидерство, что возможно только при уважении к международному праву и общезначимым ценностям.

Библиография

- Время мира: Альманах. Вып. 3: Война и геополитика.** 2003. — Новосибирск.
- Гемпель К.** 2000. Функция общих законов в истории // *Время мира: Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке.* — Новосибирск.

Гольцов А.Г. 2016. Трансформации геополитического порядка на постсоветском пространстве // *Полития*. № 1 (80).

Воробьева Л.М. 2013. *Прибалтика на разломах международно-го соперничества: От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г.* — М.

Жарков В. 2014. Фейк геополитики: Еще раз о том, как геополитические интересы мешают нам жить // *Новая газета*. 22.11 (<http://www.novayagazeta.ru/comments/66215.html>).

Зубов А. 2016. Тщета геополитики: Вызов геополитики и ответ новой Европы // *Новая газета*. 13.01 (<http://www.novayagazeta.ru/comments/72666.html?p=2>).

Коллинз Р. 2000. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса. // *Время мира: Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке.* — Новосибирск.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: Очерки социологии большой длительности.* — М.

Куренной В. (ред.) 2006. *Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений.* — М.

Медведев С. 2014. Соблазн геополитики // *Новая газета*. 03.10 (<http://www.novayagazeta.ru/comments/65537.html>).

Межуев Б. Геополитика // Куренной В. (ред.) *Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений.* — М.

Розов Н.С. 2009. *Историческая макросоциология: методология и методы.* — Новосибирск.

Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке.* — М.

Розов Н.С. 2016. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // *Полис*. № 1.

Цымбурский В.Л. 1999. Геополитика как мировидение и род занятий // *Полис*. № 4.

References

Collins R. 2000. Predskazanie v makrosociologii: sluchajj Sovetskogo kollapsa. // *Vremja mira: Al'manakh. Vyp. 1: Istoricheskaja makrosociologija v XX veke.* — Novosibirsk.

Collins R. 2015. *Makroistorija: Ocherki sociologii bol'shojj dli-tel'nosti.* — M.

Cymbursky V.L. 1999. Geopolitika kak mirovidenie i rod zanjatij // *Polis*. № 4.

Goltsov A.G. 2016. Transformacii geopoliticheskogo porjadka na post-sovetskom prostranstve // *Politeia*. № 1 (80).

Hempel K. 2000. Funkcija obshhikh zakonov v istorii // *Vremja mira: Al'manakh. Vyp. 1: Istoricheskaja makrosociologija v XX veke.* — Novosibirsk.

Kurennoy V. (ed.) 2006. *Mysl'jashhaja Rossija: Kartografija sovremennykh intellektual'nykh napravlenij.* — M.

Medvedev S. 2014. Soblazn geopolitiki // *Novaja gazeta*. 03.10 (<http://www.novayagazeta.ru/comments/65537.html>).

Mezhuev B. Geopolitika // Kurennoy V. (ed.) *Mysl'jashhaja Rossija: Kartografija sovremennykh intellektual'nykh napravlenijj*. — M.

Rozov N.S. 2009. *Istoricheskaja makrosociologija: metodologija i metody*. — Novosibirsk.

Rozov N.S. 2011. *Koleja i pereval: makrosociologicheskie osnovanija strategijj Rossii v XXI veke*. — M.

Rozov N.S. 2016. Neopatrimonial'nye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizacii // *Polis*. № 1.

Vorob'eva L.M. 2013. *Pribaltika na razlomakh mezhdunarodnogo sopernichestva: Ot nashestvija krestonoscev do Tartuskogo mira 1920 g.* — M.

Vremja mira: Al'manakh. Vyp. 3: Vojjna i geopolitika. 2003. — Novosibirsk.

Zharkov V. 2014. Fejjk geopolitiki: Eshhe raz o tom, kak geopoliticheskie interesy meshajut nam zhit' // *Novaja gazeta*. 22.11 (<http://www.novayagazeta.ru/comments/66215.html>).

Zubov A. 2016. Tshheta geopolitiki: Vyzov geopolitiki i otvet novojj Evropy // *Novaja gazeta*. 13.01 (<http://www.novayagazeta.ru/comments/72666.html?p=2>).